

28.XII.34 г.

Тов. СТАЛИН!

Назначен в
Каменев и
Зиновьевскую группу.

Ломинадзе показал мне свое письмо к Вам и рассказал о показаниях Евдокимова по поводу его встреч со мной.

В 1932 г. Евдокимов жил в одном со мной коридоре гостиницы и несколько раз заходил ко мне. Насколько помнится, Евдокимов выражал недовольство, главным образом, недостатками рабочего снабжения и затруднениями в деревне, не указывая, впрочем "своего" выхода из трудностей и не давая каких либо общих оценок положения (очевидно, он не хотел говорить со мной вполне откровенно). В разговорах с Евдокимовым я интересовался судьбой б. зиновьевской оппозиции и просил его рассказать о настроениях Зиновьева и Каменева, но не получил вразумительного ответа. Я не придавал тогда серьезного значения разговорам Евдокимова и, конечно, не рассматривал их как "групповую связь", тем более, что он говорил мне совершенно категорически (как теперь ясно - лицемерно), что никакой группировки или организации у бывших зиновьевцев нет. Настроения Евдокимова производили на меня впечатление обывательского брюзжания.

О разговоре с Каменевым в Гаграх в 1932 г. написал Вам Ломинадзе.

Когда в конце 1932 г. (некоторое время спустя после разоблачения рютинской контрреволюционной организации) т. Постышев вызвал меня в ЦК и предложил ехать на работу в провинцию, он сказал мне, что я "косвенно прохожу по делу Каменева и Зиновьева". Так как я абсолютно никакого отношения, ни прямого, ни косвенного к рютинскому делу не

имел, я понял слова т. Постышева таким образом, что ЦК известны мои встречи с Евдокимовым и Каменевым и считал этот вопрос исчерпанным.

Как бы то ни было, разговоры с Евдокимовым и Каменевым в 1932 г. об"ясняются не только нашей недостаточной бдительностью, но и теми пережитками наших собственных колебаний, о которых пишет Вам Ломинадзе и без которых подобные разговоры были бы, разумеется, невозможны. В тот период мы еще не преодолели до конца всех следов своего оппозиционного прошлого.

Тяжело вспоминать и писать об этом, особенно сейчас, когда антисоветская деятельность зиновьевской группы привела к подлому убийству т. Кирова белогвардейскими мерзавцами, вышедшими из ее рядов. Хочу лишь сказать Вам, т. Сталин, что я и Ломинадзе уже давно поняли всю никчемность и вредность нашего долголетнего стремления как-то выделяться в партии своими особыми мнениями, "оттенками" и поправками к линии партии, из которого никогда ничего не выходило, кроме невольного пособничества врагам рабочего класса. Долгим и мучительным путем, но твердо и окончательно мы пришли к полному слиянию со всем партийным коллективом. И в последние годы у нас не было ни малейших расхождений с партийным руководством решительно ни в одном вопросе, ни малейших сомнений в правильности политики ЦК, которую я искренне и с полным убеждением старался отстаивать и практически осуществлять в своей работе.

Л. ШАЦКИН.